

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-269-283

ШТУРБА Виктор Александрович
Кубанский государственный университет
научный журнал «Историческая и социаль-
но-образовательная мысль»
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

Viktor A. SHTURBA
Kuban State University
Academic Journal "Historical and Social-
Educational Idea"
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

ШТУРБА Евгений Викторович
Кубанский государственный университет
Ассоциация молодых ученые Кубани
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

Evgeniy V. SHTURBA
Kuban State University
Association of Young Scientists of Kuban,
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

АСТАНИНА Лариса Викторовна
Московский институт современного акаде-
мического образования
г. Москва, Россия
rektor@misaoinst.ru

Larisa V. ASTANINA
Moscow Institute of Contemporary Academic
Education,
Moscow, Russia
rektor@misaoinst.ru

1917 ГОД: ТРАГЕДИЯ ИЛИ ТРИУМФ?

1917: TRAGEDY OR TRIUMPH?

Научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» решил подойти к столетию революционного 1917 года вполне основательно: за календарный год изданием было опубликовано 30 важных научных статей авторов из научно-исследовательских и образовательных учреждений Токио, Бишкека, Москвы, Екатеринбург, Ростова-на-Дону, Краснодара и т.д. В данной обзорной статье представлены достаточно краткие результаты весьма масштабных исследовательских проектов, с которыми можно ознакомиться подробнее на страницах номеров журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2017 г. как в печатном, так и в электронном виде: <http://www.hist-edu.ru/hist/issue/archive>. В данной обзорной статье опубликованные тексты по революционным процессам 1917 года сгруппированы по проблемно-тематическому принципу. Так, солидный корпус научных текстов составляют сюжетные блоки макроисторического, международного, регионального, социокультурного, нормативно-правового и персонального измерений турбулентного, переучреждавшего российскую государственность и не до конца осмысленного 1917 года.

The scientific journal "Historical and Social-Educational Idea" decided to approach the centenary of the revolutionary year of 1917 quite thoroughly: in the calendar year the journal published 30 important scientific articles by authors from research and educational institutions of Tokyo, Bishkek, Moscow, Yekaterinburg, Rostov-on-Don, Krasnodar, etc. In this review article, we present fairly brief results of very large-scale research projects, which can be found in more detail on the pages of the issues of the journal "Historical and Social-Educational Idea" for 2017 both in print and in electronic version: <http://www.hist-edu.ru/hist/issue/archive>. In this review article published texts on the revolutionary processes of 1917 are grouped according to the problem-thematic principle. Thus, a solid corpus of scientific texts make up the plot blocks of macrohistorical, international, regional, sociocultural, normative legal and personal measurements of turbulent, re-establishing Russian statehood, and not fully reflected 1917 year.

Ключевые слова: революция 1917 года, кризис власти, политический разлом, массовые протесты, социокультурный порядок, исторический выбор, переучреждение российской государственности

Keywords: revolution of 1917, power crisis, political cleavage, mass protests, sociocultural order, historical choice, re-establishment of Russian statehood

История революционного 1917 года осмысливается профессиональными исследователями как с различных теоретико-методологических, так и политико-идеологических позиций. В данной обзорной статье авторами предпринята попытка комплексного анализа корпуса текстов, опубликованных на страницах научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2017 г. и сгруппированных по проблемно-тематическому принципу. Так, выявлены макроисторическое международное, региональное, социокультурное, нормативно-правовое и персональное измерения турбулентного, переучреждавшего российскую государственность и не до конца осмысленного 1917 года.

В статье Е.А. Петриченко анализируется специфика революционных процессов 1917 года [1]. Автор пишет: «Мы предельно ясно понимаем, что Октябрьская революция и Страна Советов показали возможность принципиального переустройства жизни людей, доказали реальность и представили путь построения государства нового типа. Можно ожидать, что празднование юбилея этого исторического события затронет практически весь мир. Уже сейчас во многих странах создаются комитеты, которые будут руководить мероприятиями, связанными с этой датой. Компартии

Китая, Индии, некоторых стран Латинской Америки, Испании, Англии, Греции официально заявили о своих планах достойно отметить столетие Октябрьской революции» [2].

В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин осуществляют «попытку проанализировать различные альтернативы развития исторического процесса в России, обусловленные причинами революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войной. Авторы рассматривают три основных варианта таких альтернатив. Первый из них представлен в рамках парадигмы стадийного подхода. Он предполагает процесс исторического движения в соответствии принципам «от высшего к низшему», «от простого к сложному». Результатом подобного движения должно быть развитие сообразно логике прогресса. Цели прогрессивного развития анализируются исходя из того расклада политических сил, который сложился накануне и в ходе самого процесса революции 1917 года. Всего на основе применения стадийной методологии выделяются два целевых вектора. Один направлен в сторону либеральных ценностей западной цивилизации, способных, по мнению идеологов этого движения, вывести Россию на уровень развитого индустриального общества с устойчивыми демократическими ценностями. Вторым оценен с применением формационного подхода К. Маркса, где в качестве итоговой точки движения цель указана в сторону коммунистического общества. Вторая альтернатива была проанализирована в контексте вероятности распада традиционной российской идентичности, сформировавшейся на основе ценностей православной цивилизации. Сложности изучения второй альтернативы обусловлены убежденностью авторов в том, что 1917 год стал отправной точкой трансформации традиционной российской ментальности, которая в настоящее время находится в стадии возрождения через целенаправленные усилия государственной власти. Реальность реализации на данном этапе второй альтернативы авторами связывается с усилением власти государства, но с одновременным преодолением таких негативных проявлений, как коррупция, бюрократизм, экономический кризис, недоверие к власти. Третья альтернатива - углубление кризиса и территориальный распад - в качестве вероятной не оценивается, но низкая степень ее гипотетической вероятности поставлена в зависимость от преодоления выше отмеченных негативных тенденций в современном политическом управлении» [3, с. 22-23].

В продолжении своей статьи В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин осуществляют «детальный анализ тех последствий, которые имела революция 1917 года для отечественной истории. Предметом внимания авторов становится онтологическая природа советского строя, который позиционируется как индустриальный с элементами типичного для российских экономических отношений традиционализма. В советские годы он приобрел характер планового производства, что частично соответствовало тенденциям, преобладавшим в управлении экономическими процессами на Западе. Стадийное сходство между СССР и Западом раскрывается авторами также посредством акцента на параллельных изменениях в ментальном облике людей из обеих систем, выразившихся в секуляризации, десаκραлизации традиций, возрастании числа населения с высшим образованием, распространении потребительских ценностей. Проблема выбора исторического пути в советское время, по мнению авторов, была вновь актуализирована после обнаружения системного отставания от стран Запада в связи с вступлением их на новую стадию - постиндустриального общества. Как и в 1917 году, это отставание попытались решить за счет ментальной ассимиляции с западной цивилизацией. Данная попытка была предпринята на волне активного антисоветизма и тотального очернительства собственной истории. «Жертва» не была принята, что в очередной раз, по мнению авторов статьи, поставило перед наукой проблему выбора: Россия есть страна запаздывающей модернизации на пути универсального для всех народов всемирно-исторического процесса или она представляет собой самобытную цивилизацию со своей, присущей только ей логикой исторического развития? В последние годы наука и общественность приоритетно склоняются к выбору второй альтернативы. Такой подход актуализирует задачу поиска внутренних, стержневых оснований для российского социума, его универсальных гражданских ценностей. Авторы полагают, что успешность этих поисков будет зависеть от того, насколько удачной окажется борьба российской власти с трудностями и проблемами, мешающими протеканию современного исторического процесса» [4, с. 30-31].

В статье В.Ю. Захарова, А.Н. Иванова анализируются некоторые дискуссионные вопросы [5]. Так, например, исследуется «вопрос о том, сколько революций произошло в России в 1917 г. Анализируются основные концепции по данной проблеме, начиная с советской историографической традиции и заканчивая современным периодом. Высказывается авторская точка зрения по вопросу о количестве революций в 1917 г., а также по проблеме определения хронологических рамок Великой Российской революции. Далее рассматривается вопрос о причинах революционного кризиса 1917 г., анализируются основные точки зрения по этой проблеме, в том числе и по поводу степени виновности правящего режима и оппозиции. На основе анализа и сравнения существующих концепций авторы высказывают собственное мнение по этой проблеме, акцентируя внима-

ние на явном промедлении правящего режима с проведением давно назревших реформ, прежде всего в политической и социальной сферах общественной жизни, а также обострении существовавших противоречий из-за участия в Первой мировой войне. Затем рассматривается вопрос о причинах дальнейшей радикализации революционных событий и закономерности прихода к власти большевиков. Авторы приходят к выводу, что одной из главных причин углубления революционного кризиса было бездействие Временного правительства в решении самых острых вопросов текущего момента: о мире, о земле, о структуре власти. На этом фоне приход к власти большевиков, не боявшихся ответственности за принятие судьбоносных решений, обещавших быстро решить все важнейшие вопросы и возглавлявшихся талантливыми политиками (В.И. Лениным и Л.Д. Троцким), выглядит вполне закономерным, а с сентября 1917 г. и неизбежным. В заключение проводятся аналогии с Великой французской революцией, выявляются общие черты и различия» [6].

Д.О. Чураков также анализирует в своей статье макроисторическое измерение революционных процессов 1917 года [7]. Он пишет: «Революция 1917 года состояла из нескольких этапов. На каждом из них действовали самые разнообразные социальные силы, между которыми общим было только одно стремление к свободе, к развитию в России демократии. Но между участниками и современниками революции не было согласия в том, что нужно для достижения их идеалов, да и сама демократия понималась по-разному. Данная статья посвящена сложным тенденциям, определявшим общий ход революции после свержения монархии и создания первых революционных государственных и общественных структур. В статье показано, что падение монархии стало для большинства жителей России важным испытанием, поскольку ничего не ожидавшие люди оказались перед потребностью резкого переосмысления устоявшегося уклада жизни, аксиологических координат и политических представлений. Стала ли Россия в результате революционных перемен самой свободной страной во всем мире, как о том говорили многие участники событий 1917 года? Или страну захлестнула вторая русская (Красная) Смута, как об этом заявляли их оппоненты, иначе воспринимавшие происходящее вокруг них со страной и народом? Автор статьи приходит к парадоксальному выводу, что по-своему правы были обе стороны, поскольку революционные процессы породили в стране не только волну ничем не сдерживаемой охлократической вольности, но и творческое стремление разных социальных групп, принявших создавать свои собственные институты самоорганизации и самоуправления. Именно в бурном росте институтов гражданского общества автор видит демократический потенциал революции 1917 года и называет ее революцией самоуправления» [8].

Анализу Октябрьской революции сквозь призму евразийской концепции посвящена статья А.М. Матвеевой [9]. Автор указывает на следующее: «Великая Октябрьская революция, как и все революционные события, потрясшие нашу страну в 1917 г., на протяжении вот уже ста лет вызывает самые разнообразные, подчас чрезвычайно спорные и неоднозначные оценки и суждения в историографии. Не утихают дискуссии о природе, движущих силах и закономерностях тех процессов, которые так решительно переменили лицо российского общества, изменили вектор российской истории. В статье автор развивает геополитическую точку зрения на причины этого величайшего события XX века. Данный подход был выдвинут и получил дальнейшую разработку в нескольких работах, написанных в эмиграции еще в 1920-е годы П.Н. Савицким. П.Н. Савицкий заслуженно считается лидером и одним из крупнейших теоретиков такого важного и оригинального движения русского зарубежья, как евразийство. В рамках этого направления группа отечественных мыслителей и политических деятелей предложили особую систему оценки исторических процессов с точки зрения географического фактора. Оригинальный ракурс позволил П.Н. Савицкому по-новому взглянуть на важнейшую веху в российской и мировой истории и переосмыслить ее. В своих трудах он много раз отмечал, что вся проблематика русской революции являлась для движения евразийцев стержневой в их геополитической концепции. Установив законы развития русской революции, П.Н. Савицкий претендовал на способность давать научные прогнозы, в которые на самом деле были заложены его собственные мировоззренческие приоритеты и политические цели. Он также претендовал на то, что сумел выявить и обосновать историко-географические корни Октябрьской революции, утверждая, что революции и тем более самого коммунистического эксперимента в России не могло бы возникнуть, если бы географическое положение страны было другим и толкало ее к автаркии. Проанализировав данные и другие теоретические положения творческого наследия П.Н. Савицкого, автор данной статьи показывает как ошибочность некоторых его выводов, так и те выводы Савицкого, которые отражали реальность происходившего в революционной России исторического процесса и могут быть востребованы в наши дни для формирования подлинно научной картины революции 1917 г. и ее воздействия на развитие отечественного гуманитарного знания, в том числе в среде русской эмиграции» [10].

А.С. Прищепа в своей научной статье реконструирует и анализирует ход событий октябрьского кризиса власти 1917 года [11]. В статье обозначено, что исследователь «ставил перед собой задачу рассмотреть социально-экономические проблемы в первые годы становления советской власти, негативные последствия тех или иных политических событий, излишне радикальных решений политических лидеров того периода, дающие о себе знать и в настоящее время». Особое внимание исследователь уделяет голоду и хозяйственной разрухе, развернувшейся в стране, ставшей одним из главных факторов начала революции. Именно голод, в большинстве своем, подвиг различные слои населения на разбой и грабежи. В статье также поднимается вопрос о тяжелых и напряженных отношениях советской власти и казаков в первые годы после Октябрьской революции и Гражданской войны. Несмотря на устоявшийся стереотип «о контрреволюционной сущности казачества», исследователь попытался оспорить его, подкрепив свою позицию архивными материалами, подтверждающими, что представители советской власти провоцировали прямыми и косвенными действиями казачество на контрреволюционные действия. Автор статьи обращает внимание на то, что решения и действия большевиков, направленные в сторону казачества, порой были недопустимо жестоки и бесчеловечны и носили характер геноцида, в результате которого численность казаков сократилась более чем в пять раз. Все это, безусловно, оставило неизгладимый след в истории и культуре казачества, и потребовалось много лет на восстановление его поправанного достоинства» [12].

Крайне любопытный материал изложен в статье японского историка Ё.Икэда «Проект японских историков "Российская революция и век СССР"» [13]. В статье сказано следующее: «В Японии активизируется научное и общественное внимание к Российской революции 1917 года - грандиозному событию XX в. Среди тех книг, которые были изданы в Японии в 2017 г. в ознаменование революции 1917 года, особое место по своему объему занимает пятитомная книжная серия "Российская революция и век СССР". Первый том называется "От мировой войны к революции". Затем в каждом месяце опубликован очередной том серии: Т. 2 "Сталинизм как цивилизация"; Т. 3 "Холодная война и мирное сосуществование"; Т. 4 "Преобразование человека и культуры"; Т. 5 "Революция и народы переходят рубеж". Из них первые три тома посвящаются каждому периоду истории России (Т. 1 - 1900-1928 гг.; Т. 2 - 1929-1953 гг.; Т. 3 - 1953-2017 гг.). Четвертый том рассматривает многогранные аспекты культуры: литература, музыка, кино, наука и т.д. - в различные периоды СССР, а пятый - революцию в различных регионах Российской империи и формирование Советского Союза как наследника империи Романовых. В данной научной статье автор коротко знакомит читателей с основными характеристиками всего проекта, а далее - подробно рассматривает содержание первого тома книжной серии, поскольку именно он посвящен главным образом революции 1917 года. Автор научной статьи обращает внимание, что сообщество японских специалистов по истории Российской революции и СССР старается представить читателям многогранность своего предмета междисциплинарного (исторического, культурологического, концептологического) исследования» [14].

Очевидно, что революция 1917 года имеет колоссальное макроисторическое значение. Сформированный политический порядок базировался на современных представлениях, но «политическая и властно-управленческая деятельность не создают материальных и духовных ценностей, а в лучшем случае их распределяют. Однако критерии справедливого распределения были и останутся дискуссионными. Взамен постоянного обсуждения данных критериев политическая и властно-управленческая деятельность претендует на главную роль в обществе и способствует этатизации социально-политической мысли» [15].

Статья Г.И. Гаевской, М.А. Лаврентьевой посвящена анализу международных последствий Великой Октябрьской революции [16]. Авторы отмечают, что «для достижения данной цели необходимо выделить последствия революции в узком и широком смысле, позитивные и негативные; последствия для всего мира и для отдельных регионов, стран; последствия, имевшие немедленный результат и более отдаленные по времени; последствия с точки зрения советской историографии, зарубежной историографии, современной российской историографии; последствия в отдельных сферах - идеологические, внешнеполитические, экономические, социальные, культурные. В статье доказывается мысль о правомерности использования названия Великая Октябрьская революция. Предпринята попытка применения цивилизационного подхода, в частности концепции "вызова-ответа" А. Тойнби к рассматриваемой проблеме. В то же время отмечено, что социалистическая революция - это плод именно российской истории. В этой связи авторы обращают внимание на тот факт, что первые ростки социализма (при том уровне производительных сил, отягощенные последствиями Первой мировой войны) неизбежно несли черты своего времени, отпечаток общекультурного и нравственного облика современника. Все это содержало противоречие действительности, реальной жизни с объявленными идеалами и ожиданиями масс, таило кризис-

ные потенции в процессе развития социалистического общества. Также в работе прослеживается взаимосвязь процессов модернизации традиционного общества и революции. Отмечается несомненное влияние Октябрьской революции на становление социального государства или "общества всеобщего благоденствия" в странах Западной Европы во второй половине XX в. Акцентировано внимание на основных идеологических конструкциях XX в. и их взаимосвязи с идеями российской революции» [17].

Началу реализации новых внешнеполитических принципов Советской России на примере отношений с Ираном (1917-1918 гг.) посвящена статья Э.Г. Вартаньян [18]. В статье указано: «На примере отношений с Ираном автор анализирует принципы внешней политики Советской России, основанные на равенстве, взаимном уважении народов, мирном сосуществовании, интернационализме, праве наций на самоопределение, показывает отказ Советской России от принципов царской дипломатии. Отмечается, что Иран был поделен в 1907 г. на сферы влияния между царской Россией и Англией, а во время Первой мировой войны оккупирован войсками Англии, царской России, Турции. В 1917 г. все неравноправные соглашения царского правительства с Ираном (1907, 1915 гг.) были аннулированы. Автор указывает на то, что советское правительство уже в 1918 г. начало выводить свои войска, дислоцированные в северо-западном и западном Иране, а также с территории, расположенной вдоль границы Ирана и Афганистана (английские войска оккупировали юг страны от Персидского залива до юго-западной части Афганистана). Подчеркивается, что англичане старались завербовать на свою сторону контрреволюционно настроенных и неустойчивых казаков и офицеров. Рассматривается дезавуирование советским правительством старого дипломатического аппарата России за границей. Главы дипломатических представительств Советской России при иностранных правительствах стали называться полномочными представителями РСФСР, а основная масса царских дипломатов, отказавшаяся служить советской власти, была уволена с дипломатической службы. Делается вывод о том, что советско-иранские отношения первых лет советской истории демонстрируют реализацию новых принципов внешней политики России, основанных на равенстве, взаимном уважении народов, праве на самоопределение, отказе от концессий, неравноправных договоров, соглашений, заключенных царским правительством» [19].

Кыргызский случай анализируется в статье Е.Г. Гарбузаровой [20]. Автор фиксирует следующие положения: «В статье проводится обстоятельный анализ пребывания Кыргызстана в составе Российской империи и под властью большевиков. Акцентируется внимание на действиях царских властей по административному обустройству Средней Азии. Восстание 1916 г. в Кыргызстане подтверждает кризис царской власти и стремление кыргызов к радикальным преобразованиям. В такой катастрофической обстановке, которая сложилась во время и после восстания, кыргызский этнос столкнулся с угрозой исчезновения как самостоятельной этнической группы. Октябрьская революция и приход к власти большевиков обратили этот процесс вспять и создали все условия для консолидации кыргызского этноса. Социалистическая идеология заполнила экзистенциальный вакуум, образовавшийся у народов Туркестана в период самодержавной монархии в Российской империи. Продуктивная деятельность Советов создала в Туркестане гармоничную среду для последующего национально-территориального размежевания и создания государственности у каждого входящего в нее народа. В Кыргызстане отношение к Советам в период установления власти большевиков в Туркестане было неоднозначным: в северных областях этот процесс проходил менее напряженно, тогда как в южных районах он значительно пробуксовывал, так как сильны были деструктивные силы в лице контрреволюционеров и иностранных агентов. Тем не менее, пройдя все государствообразующие стадии от автономной области до федеративной части, 1 февраля 1926 г. была образована Кыргызская Автономная Советская Социалистическая Республика. Слаженными совместными усилиями Кыргызстан и советская власть запустили процесс ликвидации экономической отсталости и организовали развитие культурно-образовательной деятельности. На основе проведенного анализа политики царских властей и советской власти по отношению к кыргызскому народу делается вывод о том, что советская власть сыграла свою положительную историческую роль для Кыргызстана» [21].

Роль донского казачества в революции 1917 года проанализирована в статье С.А. Кислицына, В.П. Трута [22]. Авторы статьи считают, что «Февральская и Октябрьская революции были этапами Великой Российской революции 1917 г. Одним из аргументов в пользу этой концепции является позиция донского казачества. Февральскую революцию и свержение самодержавия казаки восприняли с пониманием задачи формирования новой демократии и в целом поддержали ее своим участием в борьбе. В условиях июльского революционного кризиса армейское казачество было использовано новыми республиканскими властями для разгона протестующих масс трудящихся, что вызвало протест со стороны казачьих масс. В период корниловского выступления основные массы казачества не вошли в праворадикальное течение в армии, так как в самой казачьей

среде ослабевали консервативные силы. Во время Октябрьского переворота командиры всех донских полков довели до сведения правительства, что казаки отказываются выступать на защиту правительства без поддержки пехотных армейских частей, броневых автомобилей и пулеметов. Для казаков "пехота", состоявшая из крестьян и рабочих, являлась выразителем доминирующих политических взглядов и настроений большинства населения страны. Говоря о возможности каких-либо действий в поддержку правительства только совместно с пехотой, казаки присоединялись к воле народа, выразителем которой, по их мнению, могли служить солдаты столичного гарнизона. Ситуация повторилась во время неудачного похода Краснова на Петроград. Казаки в это время не желали принимать какое-либо участие в разгоравшемся противоборстве противников и сторонников советской власти, стремились уклониться от выполнения приказов своего командования, поскорей отправиться по домам. По мере прибытия на Дон они практически явочным порядком расходились по родным станицам. Из-за социального расслоения казачество не было едино в борьбе за сохранение прежней системы землепользования и землевладения. Социально-классовая война на Дону из-за особенностей исторического развития приобрела сословную окраску. На всех основных этапах революции 1917 г. - от Февраля к Октябрю - донское казачество в силу объективных причин проявляло значительные колебания по вопросу определения своей политической позиции, вплоть до саботажа и даже отказа в поддержке властей. Это свидетельствует об определенном стихийном понимании казачеством естественности хода развития событий и, на наш взгляд, о целостности и внутреннем единстве революционного процесса 1917 года. В ходе последовавшей гражданской войны ситуация изменилась радикальным образом» [23].

М.Ю. Горожанина исследует кубанское казачество, православное духовенство и другие сословия в конце XIX века и в период революционных событий 1917 года в рамках компаративной традиции [24]. По мнению автора статьи, «главной причиной революционных потрясений 1917 года стал духовный кризис, охвативший все слои российского общества. Освещается его проявление на Кубани, а также рассматриваются причины падения монархических настроений в казачьем крае. В работе прослеживается взаимосвязь между изменением социального состава населения Кубанской области, популяризацией либеральных идей и ростом протестных настроений. Много внимания отводится рассмотрению причин массовой поддержки жителями Кубани Февральской революции. Впервые проводится взаимосвязь между царской политикой, направленной на недопущение существования сугубо казачьего региона, и ослаблением монархических настроений в Кубанской области. В статье также выделяются факторы, оказавшие влияние на положение духовенства на Кубани: 1) духовный, определяющий степень нравственного состояния общества; 2) экономический, неразрывно связанный с материальным положением; 3) социальный, обозначающий социальный статус духовенства в сословной иерархии; 4) политический, представленный политическими пристрастиями и симпатиями служителей церкви. Много места отводится и объяснению причин различного отношения кубанского духовенства к революционным событиям 1917 г., впервые обращается внимание на неоднородный его состав; в исследовании обозначается три течения - радикальное, консервативное и реформистское, - на которые к 1917 г. распалось духовенство Кубани» [25].

Роль кубанских казаков в революционных процессах 1917 года исследуется в статье М.Ф. Титоренко [26]. Она пишет: «Вопреки сложившемуся мнению, исследователь попытался опрокинуть "«большевистский постулат о контрреволюционной сущности казачества", вычленив причины, втянувшие казаков "в орбиту политических течений и интриг" и расколовшие их на два враждебных лагеря; опираясь на архивные материалы, показать действия большевиков, направленные на укрепление советской власти в кубанских станицах. Автор статьи обращает внимание на то, что в рамках жесткой государственной регламентации хозяйственной, политической, социальной организации жизни казаков традиции и многовековые устои семейного быта под влиянием глубоких социальных потрясений оказались неустойчивыми. Спорные территории с появлением новых административно-территориальных образований приводили к обострению межнациональных отношений. Большевики в отношении казаков, выступавших против советской власти, применяли жесткие карательные меры, в результате численность кубанских казаков сократилась в два раза, они оказались территориально рассредоточены между различными административно-территориальными образованиями» [27]. В целом, стоит отметить, что в последнее время все чаще «рассматривается интегрированный комплекс проблем исторического пути развития казачества как нового, или обновленного давнего, социального явления в жизни полиэтничного российского социума» [28].

О.М. Щербакова, О.Ю. Отрокова, О.Ю. Гольцева исследуют тенденции современной историографии по вопросу роли матросов Балтийского флота в революции 1917 года [29]. Авторы данной научной публикации фиксируют следующее: «Акцентируя внимание на положении, что в центре

большинства работ - проблема левого радикализма, они выделяют главное направление - изучение социальной психологии матросских масс. Авторы предлагают не воспринимать Российскую революцию только как "архаизацию сознания" и люмпенизацию, прежде всего, солдат и матросов. Также они отмечают, что в научной литературе существует расхождение по вопросу политических устремлений матросских масс. Имеет место попытка представить матросов как самостоятельную политическую силу. Это вызывает несогласие тех, кто видит в них специфическую социально-профессиональную группу. Авторы отмечают, что историки приступили к изучению соотношения демократических и разрушительных начал на флоте. Однако в отечественной науке до конца не решен вопрос о лозунгах Октября. Без осмысления этого сложно понять, почему матросы поддержали большевиков. Авторы полагают, что проблема движущих сил революции, в том числе флотская тематика в контексте революционных реалий, продолжает оставаться значимой историографической темой» [30].

В статье Р.Ю. Басте, В.В. Касьянова анализируется проблема особенностей общественно-политической обстановки на Кубани в период революционных событий 1917 г. на примере взаимодействия горцев и казачества [31]. Авторы в тексте статьи отмечают следующее: «Рассматривается взаимодействие горцев и казачества Кубани в революционный период 1917 г., деятельность национальной политической организации "Союз горцев Кавказа". Анализируются практические действия этой организации по созданию горской национально-территориальной автономии в составе Российской федеративной демократической республики. Различного рода союзы и съезды позволили адыгам более активно раскрыться как этнополитическому формированию в регионе. Нужно отметить, что за восстановление общероссийского комплекса властных структур и на региональном уровне выступали созданные политические организации. Отмечается, что национальный вопрос стал центральным вопросом общественной жизни для адыгской интеллигенции, это предопределило специфические условия существования адыгов. Самоопределение и возможность создания условий для сохранения национальной культурной самобытности адыгская интеллигенция ощутила в новых политических обстоятельствах. Не вызывает сомнения тот факт, что "буржуазные свободы, под знаменем которых произошла смена власти в России", давали интеллигенции надежды, связанные с организацией национальной жизни» [32].

В.Г. Петрович, С.И. Самсонов исследуют чередование революций и реакций на примере Саратовского Поволжья [33]. Авторы статьи проводят анализ «влияния революционных событий на судьбы юных россиян как в 1917 году, так и в результате последующих за революцией событий. В исторической ретроспективе анализируются последствия голода в Российской империи в конце XX века и в Советской России в 1920-1930-х годах. Голод начального периода советской истории нашего государства трактуется авторами как трагические последствия революции 1917 года и проводимой после нее большевистской политики. Авторы приходят к выводу, что голод в Саратовском Поволжье 1921-1923 гг. вызван совокупным действием объективных неблагоприятных природных условий, что было вполне типичным для природно-климатических особенностей данного района, как зоны рискованного земледелия, особенно в Левобережной части губернии. Вызванный объективными причинами, голод усугублен причинами субъективными: Гражданской войной и политикой «военного коммунизма» - продовольственной разверсткой прежде всего. Сравнивая данные двух Всероссийских переписей населения - 1926 и 1937 гг. - авторы приходят к выводу, что наиболее пострадавшими в СССР были Саратовская область, Казахская АССР и АССР Немцев Поволжья, то есть фактически Саратовское Поволжье является регионом, пострадавшим в наибольшей мере от голода 1932-1933 гг. в границах современной России. Авторы выдвигают гипотезу о времени окончания Великой российской революции: 10 февраля 1934 г., когда завершился XVII съезд ВКП (б), вошедший в историю как "съезд победителей"» [34].

В статье В.В. Касьянова, В.В. Ковалева, С.И. Самыгина анализируется социокультурное изменение причин революционного 1917 года [35]. По их мнению, «как сама революция, проходившая поэтапно единым процессом в течение всего 1917 года, так и растянувшаяся на несколько лет гражданская война имели крайне ожесточенные формы. По окончании этих событий вся социально-экономическая инфраструктура страны была разрушена, а население имело колоссальную убыль своей численности. Авторы исходят из того, что беспрецедентная жестокость событий 1917-1921 гг. была обусловлена тем, что российское общество не имело общих социокультурных оснований для единства. Культурный разлом во многом произошел после петровских преобразований, следствием которых стала потеря характерных для допетровской России соборных форм жизни. События 1917 года и последовавшая за ним совершенно логичным образом кровопролитная гражданская война во многом были детерминированы отсутствием в Российской империи единых социокультурных оснований для взаимодействия между разными социального слоями. Общество саморазделилось на "своих" и "чужих". Следствием этого стала ситуация тлеющего конфликта, готового в любой момент трансформироваться в жестокую войну всех против всех ради

взаимного и тотального уничтожения. Четкая дифференциация и поляризация противоборствующих сил в 1917-1921 гг. была обусловлена ролью так называемой революционной интеллигенции, которая предложила низшим слоям российского общества идеологические ценности, которые во многом были созвучны соборно-традиционалистским представлениям крестьянства о собственности, власти, праве и других социальных институтах» [36].

А.А. Брылев анализирует взаимоотношения народа и власти после Октябрьской революции [37]. Автор статьи считает, что «массовые представления о власти, ее месте в обществе не раз подвергались серьезному пересмотру. Революционная практика пришла в столкновение с массовым сознанием различных социальных групп, вмешательство государства во все сферы жизни общества неизбежно влекло за собой социальные взрывы. Игнорируя народное сопротивление новой власти, невозможно разрешить трудные проблемы истории: в их числе природа Октябрьской революции, характер советского государства и специфика развития советского общества. Социальный протест масс в советский период - одна из наиболее слабо изученных проблем в отечественной историографии. Между тем речь идет о "народной истории", об историческом процессе, творимом массами не по указанию государства, а вопреки ему. Исследователь обращает особое внимание на то, что знание протестного движения важно не только в историографическом плане, но имеет важное политическое звучание в современной России» [38].

С.А. Нефедов в своей статье проводит критический анализ новой версии Февральской революции 1917 года, представленной в работах историка В.Б. Аксенова. [39]. По мнению С.А. Нефедова, «абсурдные, невероятные» слухи были не слухами, а хорошо известной и вполне достоверной информацией, о которой писали все газеты, начиная с 14 февраля. И эта информация не вызвала никаких волнений в "хвостах", которые, как мы знаем из тех же газет, появились гораздо раньше - еще в конце января. Наоборот, газеты писали, что 14-17 февраля "хвосты" уменьшились» [40].

В статье В.И. Левина исследуется еврейский вопрос в Октябрьской революции [41]. Автор утверждает, что «российские евреи восторженно встретили Февральскую революцию 1917 года. Временное правительство единогласно приняло "Постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений". В результате евреи получили равные со всеми гражданские, политические и национальные права. Вышли из подполья и активизировали свою деятельность еврейские политические партии. На местах стали создаваться автономные еврейские общины с независимым от властей руководством. Еврейская молодежь стала свободно поступать в гимназии, университеты, военные училища. Но Временное правительство оказалось слабым, в стране воцарился хаос. И 25 октября 1917 г. в результате военного переворота власть в стране захватили большевики. Большинство еврейских политических партий, общественных групп и религиозных авторитетов осудили переворот и последующий разгон Учредительного собрания, как антиконституционные действия. Рядовые же евреи разделились. Часть примкнула к противникам большевиков, участвовала в защите Зимнего дворца, воевала в составе Добровольческой армии Деникина и др. белых армий. Другая часть поддержала большевиков. В развернувшейся впоследствии Гражданской войне на фоне других зверств, обычных для таких войн, резко выделялись своей жестокостью зверства во время массовых еврейских погромов, проводившихся белыми армиями, местными крестьянами и обычными бандитами. Только на территории Украины погибло, умерло от голода и болезней около полумиллиона человек, то есть 25% еврейского населения края; было разграблено семьсот населенных пунктов, и несколько сот тысяч человек остались без средств к существованию; триста тысяч детей стали сиротами. Это подтолкнуло евреев в сторону большевиков, армия которых всегда пресекала погромы и наказывала погромщиков» [42].

В статье Г.П. Рогочей, Е.В. Савва исследуются культурные факторы российских революций в осмыслении философов Серебряного века [43]. По мнению авторов, «осмысливая уроки российских революций начала XX века, полезным будет обратиться к творческому наследию философов Серебряного века. <...> Актуальными являются не только живые свидетельства непосредственных участников событий той эпохи. Еще большее значение имеет очевидное влияние социально-культурных факторов на модели протестного поведения больших социальных групп, которое проявилось во всех массовых протестах XXI века на планете. В связи с этим сохраняют актуальность также теоретические конструкты русских философов, трактующие события революций как прямое следствие особенностей культуры России. Современную эпоху и период начала XX века роднит состояние незавершенного транзита, перехода в новое качество, высокая скорость технологических и социальных изменений. Для философов Серебряного века было типично осознание качественных изменений общества. Эти изменения обоснованно воспринимались как кризис. Для таких периодов характерен активный поиск ответов на вызовы времени, и в России начала прошлого века миссию формулирования этих ответов взяли на себя философы. Понимание культуры существенно изменилось в результате творчества представителей Серебряного века. Философия

Серебряного века признала за народной бытовой культурой не просто право на существование, но и право стать объектом философского осмысления. Такая постановка проблемы оказалась продуктивной. Она привела к появлению нового вопроса о соотношении "верхних" и "нижних" слоев культуры вообще и русской культуры в особенности. Полноправное включение в вертикальную структуру культуры "нижнего" народного слоя позволило приступить к осмыслению культуры как целостного системного феномена. В результате общей идеей философии Серебряного века стало утверждение о недостатке в России "срединной культуры", объединяющей "верхнюю" и "нижнюю", служащей обязательным элементом системы культуры» [44].

Революционные события 1917 года с позиций духовно-православной парадигмы освещены в статье М.Ю. Горожаниной [45]. Автор «пытается ответить на вопрос: почему в православной, монархической России стало возможно торжество атеизма и свержение монархии. Решить данную проблему автор пытается с позиций православной парадигмы изучения отечественной истории. В статье выделяются базовые положения и принципы данной концепции. Особое место отводится изучению духовной сферы и влиянию на нее западных теорий и учений. Главный тезис статьи - отказ от вековых устоев, увлечение западными теориями и ценностями спровоцировали сильнейший духовный кризис в России, который стал главной причиной революционных событий 1917 г. Данное положение в работе доказывается на основе анализа исторических документов. Много места в исследовании занимает освещение духовного состояния всех слоев российского общества в конце XIX - начале XX в. В статье показан кризис семейных отношений, влияние эмансипации на ослабление брачных союзов. Особое внимание отводится роли российской интеллигенции и политической элиты в популяризации ценностей западного общества и в усилении духовного кризиса. Одно из центральных мест исследования занимает и анализ положения Русской Православной Церкви, в статье называются причины падения ее авторитета в обществе» [46].

В статье П.Е. Родькина анализируются итоги Октябрьской революции 1917 года в культуре [47]. Как пишет автор данного научного текста, «вопрос о культуре был радикально поставлен именно революцией: овладеют ли победившие массы культурой или будут уничтожены? Исторический смысл революции заключался в диалектическом преодолении начатого реформами Петра Великого социокультурного раскола и восстановлении культурной целостности в рамках новой исторической общности, когда массам стали доступны лучшие образцы мировой культуры, русская классическая и народные культуры. Ключевым этапом окончательного оформления культурной революции выделяется так называемый консервативный поворот 1930-х. В качестве результата этого процесса стало создание впервые в новейшей истории массовой культуры, соответствующей новой социальной структуре, основанной на высоких интеллектуальных и моральных стандартах и принципиально отличной от массовой культуры западного типа, связанной с феноменом общества потребления. Культурная революция в России в XX веке произошла дважды, но с разными итогами: дала массам культуру и отняла ее у них. На современном этапе истории победил тип массовой культуры западного капитализма. Столетний юбилей Октябрьской революции является актуальным поводом для возобновления дискуссии относительно развития России в условиях растущих социальных и культурных диспропорций» [48].

В статье М.А. Лаврентьевой, И.И. Гаевской исследуется проблематика роли революционных событий 1917 года в истории отечественного кинематографа [49]. По мнению исследователей, «вопрос о том, как оценить деятельность органов советской власти в сфере культуры и, в частности, отношение к кинематографу, является дискуссионным. Авторы дают характеристику начального этапа развития киноискусства в столице и провинциальных городах Российской империи. В статье освещается тематика первых фильмов, отмечены особенности и проблемы становления и развития дореволюционной киноиндустрии. Проведен анализ процесса формирования советского киноискусства. Определены его роль и место в политической, социальной и духовной жизни страны, формировании нового человека. Выявлены отличительные признаки советского кинематографа 20-х годов XX столетия, его нацеленность на освещение важных исторических событий и пропаганду идей социалистической революции. Кинопроекты были ориентированы на массовость, привлекая в первую очередь широкие слои неграмотного и малограмотного населения, пропагандировали всемирно известные образцы русской классической литературы, преломляя их через советские духовные ценности и ценностные ориентации. Показано, как советское правительство решало сложные вопросы, связанные с нехваткой кадров. Названы имена наиболее выдающихся деятелей культуры, оказавших влияние на прогрессивное развитие отечественного киноискусства, пропаганду классического и авангардного направлений. Сделан вывод о том, что дореволюционная Россия внесла определенный вклад в развитие мирового киноискусства, но всемирную известность приобрели работы, созданные советскими кинематографистами» [50].

М.С. Диривянкина анализирует дискурс революции на страницах военной мемуаристики [51]. Исследователь утверждает: «Начало 1917 г. в воспоминаниях обеих сторон было отмечено

проблемой разложения армии, рассмотренной с противоположных точек зрения: разложения армии и разложения офицерского корпуса. Страна находилась в кризисном положении, и все возможные проблемы в империи связывались с личностью и деяниями Николая II: белые, кроме А.И. Деникина, несмотря на отсутствие в мемуарах и в действительности желания борьбы за монархию как таковую, достаточно положительно характеризовали Николая II в отличие от постоянно критиковавших его красных. В связи с этим достаточно обоснованным представляется реакция офицера на отречение императора. Дальнейшие преобразования, связанные с демократизацией армии, не были отражены на страницах воспоминаний всех офицеров: с печалью о них пишут белые, иначе реагирует А.А. Брусилов, говоря о неизбежности процесса разложения армии. Единогласное негативное мнение выражали белогвардейцы и красноармейцы относительно политики Временного правительства, в отличие от взглядов на корниловское выступление: белые видели в нем возможность установления сильной власти в России, для красных Корнилов и его движение - угроза военной диктатуры и Гражданская война. События Октября 1917 г., завершающие революционный процесс в России, отражают особенности складывания белого и красного движений, демонстрируя разрозненность и изначальную слабость белогвардейцев в невозможности создания объединенной армии и формирования популярной среди большинства народа идеологии» [52]. Анализ культурных аспектов всегда имеет важное значение: «Ведь иногда мы находимся в большинстве, а иногда - в меньшинстве (политическом, социальном, культурном, интеллектуальном и т.д.)» [53]. Соответственно, практика определенных ценностей способна обеспечить стабильность того или иного политического курса.

О.В. Григорьев исследует нормативно-правовую базу формирования и функционирования революционных трибуналов периода революции [54]. В статье он обращает внимание на следующее: «В рамках рассматриваемой темы диктатура наиболее рельефно проявляется в приговорах революционных трибуналов, в оценках законности принимаемых решений. Судьи революционных трибуналов при необходимости заимствовали нормы права предшествующих режимов и пренебрегали ими, когда это противоречило "идеалам революции". По мнению автора данной научной публикации, деятельность революционных трибуналов определялась особым макроисторическим периодом, конъюнктурой момента, поэтому трибуналы были упразднены с его окончанием, однако институциональный, нормативно-правовой, управленческий, ценностный, системный, исторический опыт образования и функционирования чрезвычайного правосудия должен быть воспринят и учтен реформаторами судебной системы постсоветской Российской Федерации. Автор данной научной публикации убежден в следующем: не требует особых доказательств суждение о том, что немисливо приступать к преобразованиям без изучения и осмысления национального опыта становления и реформирования судебной системы. Ведь суды в современной России берут свое начало от судов прошлых периодов и являются прообразом судов будущего» [55].

Исследованию изменений теоретических основ работы с беспризорными несовершеннолетними после Российской революции в октябре 1917 года посвящена статья В.Н. Бубличенко [56]. Автором «выделена специфика религиозного и атеистического воспитания беспризорных подростков. С точки зрения советской идеологии религия ограничивала возможности получения несовершеннолетними материалистического восприятия мира. Альтернативой дореволюционному религиозному воспитанию беспризорных несовершеннолетних советская педагогика противопоставила учение о трудовой школе. В ней формировались навыки, которые обеспечивали последующую социализацию в обществе подростков, попавших в сложную жизненную ситуацию. Основой новаторского подхода к педагогическому процессу после Октябрьской революции 1917 года в России стал тезис Л.С. Выготского о взаимозависимости психофизиологических особенностей несовершеннолетних и возможности формирования у них социально-коммуникативных качеств в условиях коллективной деятельности. Благодаря такому подходу открывались возможности для создания трудовой школы. Популяризация новых педагогических концепций в работе с беспризорными подростками велась через выступления руководителей советского государства перед общественностью. Сформировавшаяся традиция решала практические задачи. Одним из лейтмотивов организации работы с беспризорными подростками после Октябрьской революции 1917 года стало противопоставление советской модели педагогической теории и практики буржуазной. В конце статьи на основе проведенного анализа сделаны следующие выводы. Российский социальный конфликт в октябре 1917 года способствовал началу реализации новых теоретических концепций в работе с беспризорными несовершеннолетними. От дореволюционной практики они отличались отсутствием классового подхода, приоритетом в формировании материалистического мировоззрения и принципов коллективизма у лишенных семейного воспитания подростков. Новаторские педагогические теории строились на принципах трудовой школы, доминантой разви-

тия которой становилось использование психофизиологических особенностей беспризорных подростков в условиях коллективной деятельности» [57].

Также интересно обратить внимание на персональное измерение революционных процессов 1917 года, так как «речь идет об ориентации человечества и конкретных людей в пространстве универсума, начиная от божественного/космического и заканчивая конкретными ситуациями. Поэтому следует выделить абсолютную и относительную формы контекстаторской позиции. Первая будет относиться ко всеобщему, вторая - к особенному и единичному» [58]. В статье С.А. Нефедова [59] фиксируются результаты критического анализа новой «версии Февральской революции», представленной в книге российского историка В.И. Козодоя «Александр Иванович Гучков и Великая русская революция». Н.Ф. Бугай в своей статье исследует роль генерала А.И. Деникина в революционных процессах [60].

В целом, научные тексты, присланные авторами в редакцию журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» и опубликованные на страницах данного научного издания, свидетельствуют о крайне сложном отношении академической общественности к отечественным событиям столетней давности. Авторитетные исследователи обращали свое аналитическое внимание на вопросы макроисторического, международного, регионального, социокультурного, нормативно-правового и персонального аспектов революционных процессов 1917 года. Бурные научные дискуссии вокруг событий 1917 года, мы уверены, продолжатся и в будущем, однако в одном современном профессиональные историки солидарны абсолютно: революция 1917 года стала точкой переучреждения российской государственности [61] и характеризуется как триумфальными, так и трагическими параметрами одновременно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Петриченко Е.А. К 100-летию Великой Октябрьской революции. «Лед сломан, путь открыт, дорога показана» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/2). - С. 30-35. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-30-35.
2. Там же. - С. 35.
3. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. 1917 год в России: крах цивилизации или переход на новую стадию исторического развития? // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/1). - С. 22-29. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-22-29.
4. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. 1917 год в России: крах цивилизации или переход на новую стадию исторического развития? // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/2). - С. 30-37. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-30-37.
5. Захаров В.Ю., Иванова А.Н. Дискуссионные аспекты революционного кризиса в России 1917 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/2). - С. 19-28. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-19-28.
6. Там же. - С. 19.
7. Чураков Д.О. 1917 год: идеал, иллюзии или реальности свободы? // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/2). - С. 38-44. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-38-44.
8. Там же. - С. 38.
9. Матвеева А.М. Октябрьская революция в евразийской концепции: между геополитикой и политическими установками национал-большевизма // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 35-41. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-35-41.
10. Там же. - С. 35.
11. Прищепа А.С. Октябрьская революция: как это было // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017/ - № 9(6/2). - С. 42-46. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-42-46.
12. Там же. - С. 42.
13. Икэда Ё. Проект японских историков «российская революция и век СССР» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/1). - С. 13-21. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-13-21.
14. Там же. - С. 13.
15. Халилов Т.А. Политический порядок и проблема идеологии // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. - Ростов н/Д, 2017. - № 3. - С. 247-256.
16. Гаевская, Г.И., Лаврентьева М.А. К вопросу о международных последствиях Великой Октябрьской революции // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/6). - С. 16-21. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-16-21.
17. Там же. - С. 16.
18. Вартаньян Э.Г. Начало реализации новых внешнеполитических принципов Советской России на примере отношений с Ираном (1917-1918 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/2). - С. 25-29. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-25-29.
19. Там же. - С. 25.

20. Гарбузарова Е.Г. Великий Октябрь и становление Кыргызской государственности // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/2). - С. 13-18. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-13-18.
21. Там же. - С. 13.
22. Кислицын С.А., Трут В.П. Донское казачество и Великая Российская революция 1917 года (от Февраля к Октябрю) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/1). - С. 15-22. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-15-22.
23. Там же. - С. 15.
24. Горожанина М.Ю. Кубанское казачество, православное духовенство и другие сословия в конце XIX века и в период революционных событий 1917 года: сравнительный анализ // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(4/1). - С. 13-22. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-13-22.
25. Там же. - С. 13.
26. Титоренко М.Ф. Власть и казачество: взгляд через столетие // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 47-50. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-47-50.
27. Там же. - С. 47.
28. Халилов Т.А. Рецензия на книгу известного историка Н.Ф. Бугай о казаках юга России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т. 7. - № 6-2. - С. 355.
29. Щербакова О.М., Отрокова О.Ю., Гольцева О.Ю. Матросы-балтийцы в революции 1917 года: очерк современной историографии // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/1). - С. 30-39. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-30-39.
30. Там же. - С. 30.
31. Басте Р.Ю., Касьянов В.В. Горцы и казачество Кубани в революционных событиях 1917 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 13-16. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-13-16.
32. Там же. - С. 13.
33. Петрович В.Г., Самсонов С.И. Революция пожирает своих детей, или Магический круг чередования революций и реакций (на примере Саратовского Поволжья) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 33-41. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-33-41.
34. Там же. - С. 33.
35. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Причины революции 1917 года в России (социокультурный аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(4/1). - С. 23-29. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29.
36. Там же. - С. 23.
37. Брылев А.А. Взаимоотношения народа и власти после Октября 1917 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 11-15. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15.
38. Там же. - С. 11.
39. Нефедов С.А. Слухи как причина Февральской революции 1917 года // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(2/2). - С. 15-20. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-15-20.
40. Там же. - С. 18.
41. Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России. Взаимоотношения народа и власти после Октября 1917 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 29-32. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-29-32.
42. Там же. - С. 31.
43. Рогочая Г.П., Савва Е.В. Культурные факторы российских революций в осмыслении философов Серебряного века // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(3/1). - С. 15-22. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-15-22.
44. Там же. - С. 15.
45. Горожанина М.Ю. Революционные события 1917 года с позиций духовно-православной парадигмы изучения отечественной истории // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(3/2). - С. 15-23. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-15-23.
46. Там же. - С. 15.
47. Родькин П.Е. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года и первый в истории опыт массовой культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(3/2). - С. 24-29. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-24-29.
48. Там же. - С. 24.
49. Лаврентьева М.А., Гаевская И.И. Революционный 1917 год в истории отечественного кинематографа // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 28-34. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-28-34.
50. Там же. - С. 28.
51. Диривянкина М.С. Революционные события 1917 г. на страницах военной мемуаристики // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 22-28. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-22-28.
52. Там же. - С. 22.
53. Халилов Т.А. Рецензия на книгу Л.Г. Ионина «Парад меньшинств» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 1-1. - С. 210-211.

54. Григорьев О.В. Сто лет спустя: революционные трибуналы в России (1917-1923 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 21-27. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-21-27.
55. Там же. - С. 21.
56. Бубличенко В.Н. Теоретические основы работы с беспризорными в советском государстве после Октябрьской революции 1917 года // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 17-20. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-17-20.
57. Там же. - С. 17.
58. Халилов Т.А. Александр Шмеман: идея соотнесенности и позиция радикального контестатора // Политическая концептология: журнал мегадисциплинарных исследований. - Ростов н/Д, 2017. - № 2. - С. 242-248.
59. Нефедов С.А. О Февральской революции и «заговоре Гучкова» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(2/1). - С. 15-19. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-15-22.
60. Бугай Н.Ф. Русский генерал А.И. Деникин: вопросы национальной политики на Юге России. 1917-1920 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/2). - С. 15-24. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-15-24.
61. Халилов Т.А. Закономерности взаимодействия власти и бизнеса в России: опыт применения теоретической модели «малого» общества // V Столыпинские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., апр. 2016 г. - Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2016. - С. 277-281.

REFERENCES

1. Petrichenko E.A. The 100th anniversary of the Great October Revolution. «The ice is broken, the path is open, the road is shown». Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(1/2): 30-35. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-30-35.
2. Ibid. P. 35.
3. Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. 1917 in Russia: the collapse of civilization or the transition to a new stage of historical development? Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/1): 22-29. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-22-29.
4. Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. 1917 in Russia: the collapse of civilization or the transition to a new stage of historical development? Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/2): 30-37. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-30-37.
5. Zakharov V.Y., Ivanova A.N. Discussion aspects of revolutionary crisis in Russia in 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/2): 19-28. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-19-28.
6. Ibid. P. 19.
7. Churakov D.O. 1917: ideal, illusion or reality of freedom? Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/2): 38-44. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-38-44.
8. Ibid. P. 38.
9. Matveeva A.M. The October Revolution in the Eurasian concept: between geopolitics and political attitudes of national bolshevism. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/1): 35-41. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-35-41.
10. Ibid. P. 35.
11. Prishcha A.S. October revolution: how it was. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): 42-46. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-42-46.
12. Ibid. P. 42.
13. Ikeda Y. The project of Japanese historians "The Russian revolution and the century of the USSR". Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/1): 13-21. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-13-21.
14. Ibid. P. 13.
15. Khalilov T.A. Politicheskij porjadok i problema ideologii. [Political Order and the Problem of Ideology]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2017. No. 3. Pp. 247-256. (In Russ.)
16. Gaevskaya G.I., Lavrent'eva M.A. To the question of the international consequences of the Great October Revolution. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): 16-21. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-16-21.
17. Ibid. P. 16.
18. Vartanyan E.G. The beginning of realization of the new foreign policy principles of the Soviet Russia on the example of the affairs with Iran (1917-1918). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(1/2): 25-29. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-25-29.
19. Ibid. P. 25.
20. Garbuzarova E.G. The Great October Socialist Revolution and the establishment of Kyrgyz statehood. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/2): 13-18. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-13-18.
21. Ibid. P. 13.
22. Kislitsyn S.A., Trut V.P. Don Cossacks and the Great Russian Revolution of 1917 (from February to October). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(1/1): 15-22. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-15-22.
23. Ibid. P. 15.

24. Gorozhanina M.Y. Kuban Cossacks, orthodox clergy and other estates at the end of the 19 century and in the period of revolutionary events 1917: comparative analysis. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(4/1): 13-22. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-13-22.
25. Ibid. P. 13.
26. Titorenko M.F. Power and Cossacks: the look through the century. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/2): 47-50. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-47-50.
27. Ibid. P. 47.
28. Khalilov T.A. Recenzija na knigu izvestnogo istorika N.F. Bugaj o kazakah juga Rossii. [Review of the book of the famous historian N.F. Bugay about the Cossacks of South Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'noobrazovatel'naya mys'l* = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. № 6-2. P. 355. (In Russ.).
29. Shcherbakova O.M., Otrokova O.Y., Goltseva O.Y. Sailors of the Baltic fleet in the revolution of 1917: essay on the current historiography. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(5/1): 30-39. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-30-39.
30. Ibid. P. 30.
31. Baste R.Y., Kasyanov V.V. Highlanders and the Cossacks of the Kuban the revolutionary events of 1917. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/1): 13-16. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-13-16.
32. Ibid. P. 13.
33. Petrovich V.G., Samsonov S.I. Revolution devours its children, or the magic circle of alternating revolutions and reactions (on the example of the Saratov Volga Region). *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/2): 33-41. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-33-41.
34. Ibid. P. 33.
35. Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. Causes of revolution of 1917 in Russia (social-cultural aspect). *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(4/1): 23-29. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29.
36. Ibid. P. 23.
37. Brylyov A.A. Relationship of the people and government after October 1917. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/2): 11-15. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15.
38. Ibid. P. 11.
39. Nefedov S.A. Rumors as the reason for the February revolution of 1917. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(2/2): 15-20. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-15-20.
40. Ibid. P. 18.
41. Levin V.I. October Revolution and Jews of Russia. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/2): 29-32. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-29-32.
42. Ibid. P. 31.
43. Rogochaya G.P., Savva E.V. Cultural factors of the Russian revolutions in the reflection of the philosophers of the Silver age. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(3/1): 15-22. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-15-22.
44. Ibid. P. 15.
45. Gorozhanina M.Y. The revolutionary events of 1917 from the standpoint of the spiritual orthodox paradigm in the study of national history. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(3/2): 15-23. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-15-23.
46. Ibid. P. 15.
47. Rodkin P.E. The Great October Socialist Revolution of 1917 and the first ever experience of mass culture. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(3/2): 24-29. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-24-29.
48. Ibid. P. 24.
49. Lavrent'eva M.A., Gaevskaya I.I. Revolutionary year of 1917 in the history of Russian cinema. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/1): 28-34. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-28-34.
50. Ibid. P. 28.
51. Dirivyankina M.S. Revolutionary events of 1917 on the pages of military memoirs. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/2): . (In Russ.) DOI: .
52. Ibid. P. .
53. Khalilov T.A. Recenzija na knigu L.G. Ionina «Parad men'shinstv». [Review of the book of L.G. Ionin "Parade of Minorities"]. *Istoricheskaya i sotsial'noobrazovatel'naya mys'l* = Historical and Social Educational Idea. 2016. Vol. 8. № 1-1. Pp. 210-211. (in Russ.).
54. Grigoryev O.V. One hundred years later: the revolutionary tribunals in Russia (1917-1923). *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/1): 21-27. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-21-27.
55. Ibid. P. 21.
56. Bublichenko V.N. Theoretical foundations of work with non-transparent in the Soviet state after the October Revolution of 1917. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017; 9(6/1): 17-20. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-17-20.
57. Ibid. P. 17.
58. Khalilov T.A. Aleksandr Shmeman: ideja sootnesennosti i pozicija radikal'nogo kontestatora. [Alexander Schmemann: the Idea of Attribution and the Position of the Radical Contestator]. *Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij* = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2017. No. 2. Pp. 242-248. (In Russ.).

59. Nefedov S.A. About the February Revolution and the "Guchkov conspiracy". Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(2/1): 15-19. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-15-22.
60. Bugay N.F. Russian general A.I. Denikin: questions of national policy in the South of Russia (1917-1920). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(1/2): 15-24. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-15-24.
61. Khalilov T.A. Zakonomernosti vzaimodejstviya vlasti i biznesa v Rossii: opyt primeneniya teoreticheskoj modeli «malogo» obshhestva. [Patterns of Interaction between Business and Government in Russia: Experience of Application of "Small" Society Theoretical Model]. V Stolypinskie chteniya. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Apr. 2016 g. = V Stolypin Conference. Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference. Apr. 2016. Krasnodar: Publishing House of Kuban State University. 2016. Pp. 277-281. (In Russ).

Информация об авторах:

Штурба Виктор Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет, отличник народного просвещения РСФСР, отличник образования высшей школы, член-корреспондент, Российская академия естественных наук, главный редактор, научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль», г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет, президент Ассоциации молодых ученых Кубани, г. Краснодар, Россия
chook99@mail.ru

Астанина Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, ректор, Московский институт современного академического образования, г. Москва, Россия
rektor@misaoinst.ru

Получена: 23.12.2017

Для цитирования: Штурба В.А., Штурба Е.В., Астанина Л.В. 1917 год: трагедия или триумф? Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 6. Часть 2. с.269-283.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-269-283.

Information about the authors:

Viktor A. Shturba, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Corresponding Member, Russian Academy of Natural Sciences, Editor-in-Chief, Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

Evgeniy V. Shturba, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University, President of the Association of Young Scientists of Kuban, Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

Larisa V. Astanina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector, Moscow Institute of Contemporary Academic Education, Moscow, Russia
rektor@misaoinst.ru

Received: 23.12.2017

For citation: Shturba V.A., Shturba E.V., Astanina L.V. 1917: tragedy or triumph? Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 269-283.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-269-283.
(in Russ)